

© Н. Н. БЛОХИНА, 2007
УДК 614.2:93(470+571)

Н. Н. Блохина

К ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДВОРЦОВОГО ГОСПИТАЛЯ КРАСНОГО КРЕСТА ДЛЯ НИЖНИХ ЧИНОВ (1915—1917)

ГУ Национальный НИИ общественного здоровья РАМН, Москва

В годы Первой мировой войны в городах Российской империи были открыты госпитали и лазареты для раненых воинов. Содержались они, как правило, на казенный счет с привлечением средств Российского Общества Красного Креста, общественных организаций, а также частных лиц. Первый же год войны показал, что создания рядовых госпиталей-лазаретов недостаточно. К середине 1915 г. возникла необходимость в увеличении числа специализированных госпиталей, где тяжелораненые солдаты могли бы получать высококвалифицированную специальную медицинскую помощь.

Инициатором открытия специализированных госпиталей выступил император Николай II, предоставивший для размещения раненых воинов Зимний дворец в Санкт-Петербурге и другие дворцовые здания, расположенные в пригородах столицы, которые можно было использовать под госпитальные нужды. В самом Императорском Зимнем дворце раненым из нижних чинов русской армии были предоставлены Николаевский зал с Военной галереей, Аванзал, Фельдмаршальский, Гербовый и Георгиевский залы. Дворцовый госпиталь был рассчитан на 1000 раненых и просуществовал до известных событий октября 1917 г.

Разгром госпиталя революционными войсками, начиная с известного залпа "Авроры" по зданию, где располагался госпиталь для тяжелораненых воинов из нижних чинов, явился причиной многолетнего замалчивания об этом исключительно профессиональном лечебном учреждении дореволюционной России.

В 1975 г. в научный архив Государственного Эрмитажа были переданы "Воспоминания бывшей сестры милосердия Нины Валериановны Галаниной о госпитале Зимнего дворца" (Архив Гос. Эрмитажа, ф. 1, оп. 17, № 1310).

Нина Валериановна Галанина (1885—1976), сестра милосердия Санкт-Петербургской Кауфмановской общины, в годы Первой мировой войны работала в стационарных и полевых госпиталях русской армии. В 1916 г. она была направлена общиной в госпиталь Зимнего дворца, где проработала около года. "Воспоминания" были завершены автором 11 января 1974 г.

В середине 80-х годов XX века в научный архив Государственного Эрмитажа Г. Г. Алексеевым-Лангхофом, мать которого служила сестрой милосердия в госпитале, было передано несколько фотографий, рассказывающих о Дворцовом госпитале. В 2003 г. Государственный Эрмитаж получил в дар собрание фотографий, принадлежащих сестре милосердия Людмиле Васильевне Сомовой. Это были в основном групповые фотографии, отражающие различные стороны жизни госпиталя.

Эти поступления, а также известные изменения, произошедшие в жизни российского общества, позволили в 2006 г. организовать в Государственном Эрмитаже тематическую выставку документальных материалов, рассказывающих о деятельности Дворцового госпиталя.

К сожалению, в недавно изданной иллюстрированной монографии "Сестры милосердия России" (СПб., 2005) материалы, относящиеся к деятельности сестер милосердия Санкт-Петербургской Кауфмановской общины в госпиталях Зимнего дворца, отсутствуют.

Первоначальные расходы по организации Дворцового госпиталя приняло на себя Министерство Двора. В дальнейшем оборудование госпиталя и организация деятельности его медицинского персонала в Зимнем дворце были поручены Главному управлению Российского Общества Красного Креста, в ведение которого позднее госпиталь и был передан.

Первоначально было выделено 65 000 руб. на организацию госпиталя в помещении Зимнего дворца. В дальнейшем были выделены дополнительные финансовые кредиты. Всего на устройство госпиталя было выделено 85 000 руб.

С середины августа 1915 г. все работы по организации госпиталя возглавила Исполнительная комиссия во главе с генерал-майором В. А. Комаровым. В состав комиссии вошли главный врач госпиталя А. В. Рутковский, профессор Г. Ф. Цейдлер, управляющий технической частью В. Косяков, архитекторы Н. И. Крамской и Г. Шредер, заведующий медицинской частью доктор Андреев-Твердов и др.

На одном из заседаний Исполнительной комиссии (7 сентября 1915 г.) было решено вместо вывески с названием госпи-

таля водрузить флаг с эмблемой Красного Креста над Иорданским подъездом Зимнего дворца как над местом, находящимся под защитой Международной Женевской конвенции.

Госпиталь в Зимнем дворце предназначался для тяжелораненых. Там находились солдаты, тяжело раненные в голову (отдельно — в череп, глаза, уши, челюсти), имевшие сложные ранения верхних и нижних конечностей, раненные в горло, брюшную полость и позвоночник.

Штатное расписание Дворцового госпиталя с учетом значительного числа тяжелораненых включало: главного врача, 34 врача (в основном хирурги), 50 сестер милосердия, 120 санитаров, 26 человек хозяйственного персонала и 10 человек канцелярии.

Размещение госпиталя в Зимнем дворце потребовало проведения в залах малярных работ, закрытия всех окон, сооружения новых дымоходов, установления котлов и кипятильников, а также приспособления под нужды госпиталя водопроводной и канализационной сети. Были созданы операционная, отвечающая всем современным требованиям, две перевязочные, специализированные кабинеты (рентгеновский, глазной и др.), лаборатории, ванны, душевые, служебные помещения.

Дворцовый госпиталь получил необходимое современное медицинское и техническое оборудование. Бактериологическая лаборатория разместились в министерском коридорчике, а зубо-врачебные кабинеты — в нижнем этаже вблизи Иорданской лестницы. Зимний садик был приспособлен для ванн. Там же устроили душ для раненых и больных воинов.

На первом этаже разместились приемный покой, аптека, кухня, ванны, специализированные кабинеты, хозяйственная часть, канцелярия, кабинет главного врача и др. В распоряжение госпиталя было передано также помещение дворцовой аптеки.

Восемь парадных залов второго этажа (Аванзал, Николаевский зал, Восточная галерея, Фельдмаршальский, Петровский, Гербовый залы, Пеший пикет и Александровский зал) превратились в госпитальные палаты.

Вход в госпиталь был организован с Дворцовой набережной через Главный подъезд и Главную лестницу.

Ступени Иорданской лестницы были покрыты досками, причем наглухо был закрыт проход с лестницы в Фельдмаршальский зал. Для удобства переноски тяжелораненых на Иорданской и Церковной лестницах были устроены специальные пандусы. Раненых "привозили издалека, всегда ужасно грязных и окровавленных, страдающих, — вспоминала фрейлина императрицы А. Вырубова. — Мы обрабатывали руки антисептиком и принимались мыть, чистить, перевязывать эти искалеченные тела, обезображенные лица, ослепшие глаза — все неопишущее увечья, которые на цивилизованном языке называются война"¹.

"В Восточной галерее, — сообщал "Вестник Красного Креста", — видна резкая перемена. Малиновые стены как бы оголились. Часть картин снята, часть осталась, но поднята значительно выше. Такая же резкая перемена видна и в большом Фельдмаршальском зале. Историческая картина "Взятие укреплений Воли под Варшавой" вся закрыта белым полотном. Завешаны все портреты русских фельдмаршалов, причем половина большого Фельдмаршальского зала заставлена кроватями, половина отошла под перевязочную. В Пешем пикете, где обычно находится воинская охрана, фигуры доспехов заставлены выкрашенными в белый цвет деревянными досками и только верхняя часть ничем не закрыта. Весь Пеший пикет заставлен кроватями по четыре в ряд, новыми больничными железными столиками и другой больничной обстановкой"².

В "Вестнике Российского Общества Красного Креста" сообщалось, что "роскошный белый Николаевский зал с его массивными белыми колоннами как-то особенно гармонирует с больничной обстановкой. Сливаясь с мягкими белыми кроватями, пуховыми подушками и белыми пикейными одеялами, он обладает особенной привлекательностью"³. И далее: "Длинными рядами, по шесть в ряд, поставлены были белые финляндские железные кровати, между ними чудные железные, покрытые стеклом новые столики, табуретки, полоскательницы и т. д."⁴. Под ножки кроватей были подложены специальные круглые подставки для предохранения уникального паркета от повреждений.

В операционной госпиталя, которая располагалась в Колонном зале Второй Западной половины, для защиты паркетов бы-

ли устроены железные поддоны. Стены госпитальных палат, расположившихся в парадных залах Зимнего дворца, затянули белым холстом, а наборные паркетные полы были защищены линолеумом. В ночное время для того, чтобы раненых не беспокоил свет, дворцовые люстры не включали: "Небольшие настольные лампы стояли ночью на столиках дежурных сестер. Ночью горели только лампы фиолетового цвета"⁵. Военная галерея 1812 г. была оставлена без изменений, в прежнем своем виде.

10 октября 1915 г. состоялось освящение "Лазарета Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича для раненых воинов", оборудованного в залах Зимнего дворца в присутствии Их Императорских Величеств Государынь Императрицы Марии Федоровны и Александры Федоровны⁶. Собравшиеся стали свидетелями того, как "великолепные залы дворца превратились велемием Царя в ряд госпитальных палат, отвечающих всем требованиям современной хирургии и гигиены"⁷.

Современники отмечали, что "сложная и трудная задача по приспособлению Царских зал под госпиталь... была выполнена блестяще. Этот госпиталь, несомненно, первый наиболее образцовый госпиталь не только в Петрограде, но и во всей России"⁸.

Следует отметить, что только тяжелораненые солдаты (нижние чины), нуждавшиеся в сложных операциях или специальном лечении, могли попасть во Дворцовый госпиталь, поэтому число "лежачих" раненых было значительным. Тех же, кто начинал ходить, переводили в другие лечебные заведения, а их места занимали другие тяжелораненые, поступающие с фронта.

"Больные были размещены соответственно ранениям, — вспоминала Н. В. Галанина. — Так, в Николаевском зале, вмещающем 200 коек, поставленных прямоугольниками в 4 ряда перпендикулярно к Неве, лежали раненные в голову (отдельно — в череп, глаза, уши, челюсти); раненные в горло и грудную клетку. А также очень тяжелые больные — "позвоночники". Они были почти неподвижны, лежали месяцами, годами; требовали особенного ухода, и едва ли была надежда для них когда-нибудь встать на ноги"⁹. И далее: "В Восточной галерее, в конце которой был отгорожен Главный кабинет, помещались солдаты (60 человек), имеющие ранения в верхние и нижние конечности... В Гербовом зале находились больные с ранами в брюшной полости, бедре и тазобедренном суставе, многие раненые подолгу лежали на вытяжении и потому над их кроватями высились соответствующие деревянные сооружения. В Александровском зале лежали больные, раненные в плечо и спину. Самых тяжелых раненых, требующих постоянного наблюдения и инъекций, тех, кого врачи считали безнадежными (а сестры в большинстве случаев выхаживали), помещали в Петровском зале и отгораживали ширмами"¹⁰.

Первоначально столовую для раненых предполагалось разместить в вестибюле дворца. Со временем стало понятно, что столовая для раненых не нужна, так как тяжелораненые не могли самостоятельно спуститься в предназначенную для них столовую, поэтому "столовой для раненых не имелось: те немногие из них, которые могли ходить, обедали у своих прикроватных столиков. Остальные (большинство) ели, лежа в постели"¹¹. Кормили раненых вкусно и сытно¹². Надо отметить, что снабжался госпиталь Зимнего дворца значительно лучше, чем другие военные лечебные заведения того времени. Сестры, заведующие отделениями, всегда могли в нужном количестве выписать для больных какао, вино, сливочное масло, яйца и другие продукты, необходимые для усиленного питания тяжелораненых¹³.

Дворцовый госпиталь обслуживал высокопрофессиональный медицинский персонал. Здесь трудились врачи почти всех специальностей — окулисты, ларингологи, урологи, дерматологи и др.

Главным врачом госпиталя был назначен А. В. Рутковский, амбулаторный врач больницы Общины Св. Евгении, принявший на себя бремя административного управления многотрудным госпитальным хозяйством. Главным терапевтом госпиталя стал Д. А. Соколов, а главным хирургом — Н. Н. Петров.

В истории отечественной медицины XX столетия профессор-хирург Н. Н. Петров (1876—1964) получил заслуженную известность. После окончания Военно-медицинской академии

⁵Архив Гос. Эрмитажа, ф. 1, оп. 17, № 1310. — С. 2.

⁶Правительственный вестник. — 1915. — № 230 (11 октября). — С. 2.

⁷Вестник Красного Креста. — 1915. — № 9. — С. 3978.

⁸Там же. — С. 3978—3979.

⁹Архив Гос. Эрмитажа, ф. 1, оп. 17, № 1310, с. 2—3.

¹⁰Там же. — С. 3.

¹¹Там же. — С. 2.

¹²Там же. — С. 8.

¹³Там же. — С. 8.

(1899 г.) он проходил совершенствование в клинике профессора М. С. Субботина. В 1902 г. защитил докторскую диссертацию. С 1912 г. состоял профессором хирургической клиники Варшавского университета, а с 1913 г. заведовал кафедрой хирургии Петербургского института усовершенствования врачей.

На X и XI съездах российских хирургов (1910 г.) Н. Н. Петров выступил с докладами о костной пластике, выдвинув оригинальную концепцию об источнике регенерации кости за счет превращения соединительнотканых элементов воспринимающего ложа в костные клетки. В результате обобщения клинических и экспериментальных работ по этому вопросу в 1913 г. им была выпущена обстоятельная монография "О свободной пластике костей". Нельзя не отметить и заслуг Н. Н. Петрова в развитии онкологии как самостоятельной дисциплины. Уже в 1910 г. вышло в свет написанное им первое капитальное отечественное руководство по онкологии "Общее учение об опухолях".

С первых месяцев войны Н. Н. Петров находился на фронте в качестве хирурга-консультанта в госпитале Красного Креста. Свой опыт военного хирурга он обобщил в монографии "Лечение инфицированных ран" (Пг, 1915), которая выдержала 7 изданий (1915—1945 гг.) и долгое время являлась настольной книгой военных хирургов.

Видное место среди врачей занимал К. А. Вальтер, доктор медицины, почетный лейб-медик, заведовавший хирургическим отделением больницы Общины Св. Евгении. По словам Н. В. Галаниной, он был хирургом, "искуснейшими и тончайшими операциями которого трудно было не восхищаться"¹⁴. В 1895 г. он защитил диссертацию на степень доктора медицины. Получили известность его работы, связанные с деятельностью хирургического отделения Обуховской больницы: "К казуистике проперитонеальных грыж" (из хирургического отделения мужской Обуховской больницы) — сообщено в Обществе русских врачей 18 февраля 1893 г. (СПб., 1894); "Случай забрюшинного нарыва, сообщавшегося с просветом s. Romani" — доложено на совещании врачей Обуховской больницы 15 мая 1895 г. (СПб., 1896).

Среди сотрудников госпиталя именно К. А. Вальтер многое определял в жизни этого лечебного учреждения. Проводимые им сложные оперативные вмешательства буквально возвращали раненых солдат к жизни. "Д-р Вальтер, — вспоминала Н. В. Галанина, — был очень требователен, строг, может быть, суров. Его обходы больных (ежедневные) носили характер настоящей церемониала. Главный хирург требовал абсолютной чистоты, и большая неприятность ожидала сестру или санитаря, если на белье их раненых замечена была хоть капля крови"¹⁵.

Из оперирующих нейрохирургов выделялся своими способностями выпускник Томского университета (1903 г.) доктор медицины А. Г. Молотков. Позднее Н. В. Галанина с гордостью вспоминала, что в госпитале применялись "... и самые передовые методы лечения, часто еще неизвестные в других местах... например, сшивание нервов, которое производил проф. Молотков еще в 1916 году"¹⁶.

В госпитале работал в качестве хирурга Сиамский принц Вальпакорн (Мом-Чау). Он окончил Пажеский корпус в Санкт-Петербурге, а позднее Военно-медицинскую академию. "В 1916 году, — вспоминала Н. В. Галанина, — это был очень молодой, живой, изящный, остроумный и веселый человек небольшого роста, монгольского типа, говорящий по-русски с небольшим акцентом. Его любили раненые за веселость и находчивость. Он обладал способностью рассмешить больного в самый тяжелый для того момент. Любили Мом-Чау за простоту и непринужденность в обращении, любили как хорошего врача. Он работал в Александровском зале, и сестра Савич, заведующая этим отделением, отзывалась о Мом-Чау, как и все раненые, только положительно"¹⁷.

По решению Российского Общества Красного Креста госпиталь обслуживали сестры милосердия Общины имени генерал-адъютанта М. П. Кауфмана. В этой общине сестры милосердия отличались особой дисциплинированностью и высокой профессиональной подготовкой. Они положительно зарекомендовали себя на полях сражений русско-японской войны.

Сестры Дворцового госпиталя представляли разные сословия русского общества: от дочерей потомственных почетных граждан и унтер-офицеров до тех, кто носил аристократические дворянские фамилии. Для направления в госпиталь имела значение в первую очередь их духовно-нравственная и профессиональная подготовка. Ценили сестер милосердия прежде всего за образцовое профессиональное служение.

Н. В. Галанина в своих воспоминаниях отмечает строгие

требования к форменной одежде общинных сестер: "По предположению Главного хирурга госпиталь обслуживался сестрами милосердия самой строгой (относительно дисциплины) в то время в Петрограде Кауфмановской общины (ни одного волоска не должно было быть видно из-под надвинутой на лоб косынки)"¹⁸.

Во время Первой мировой войны сестры милосердия и врачи Кауфмановской общины работали в военных госпиталях и лечебных учреждениях Российского Общества Красного Креста. Главным врачом Общины был известный хирург профессор Г. Ф. Цейдлер, попечительницей — баронесса В. И. Икскуль фон Гильденбрант.

Многое в госпитале Зимнего дворца определялось старшей сестрой Кауфмановской общины Л. Е. Матюшкиной. Характеристика, которую дала старшей сестре милосердия Н. В. Галанина, лаконична и точна: "Не менее строгой, чем главный хирург, была старшая сестра Матюшкина. Представительная, красивая, свободно говорившая на трех иностранных языках, принимающая многочисленных гостей госпиталя, высококвалифицированная сестра. Всегда подтянутая, крайне требовательная, никому, кроме гостей, не улыбающаяся, она в значительной мере "задавала тон". Ее высоко ценили за деловые качества, но не прощали ей — ни раненые, ни сестры — высокомерия и начальствующего тона"¹⁹.

"День в госпитале, — вспоминала Н. В. Галанина, — начинался в 8 часов утра (уборка производилась раньше), когда санитары разносили завтрак и чай, в 9 часов начинался обход главного хирурга. От 10 до 12 часов шли перевязки раненых 1-й очереди: из Аванзала, Николаевского и Фельдмаршальского залов в Восточной галерее. Раненых 2-й очереди — из Петровского, Гербового, Пешего пикета и Александровского зала перевязывали от 12-ти до 2-х. После 2-х часов начинались операции, в 2 часа приносили обед; после него шел мертвый час. В 7 часов раненые ужинали, в 9 часов вечера давался отбой"²⁰.

Не все было гладко в повседневной жизни Дворцового госпиталя. Иногда случались неожиданности. Так, мемуаристка рассказывает в своих воспоминаниях об эпизоде, свидетельствующем о том, что война шла и в залах Зимнего дворца. Однажды во время ночного дежурства Н. В. Галанина обнаружила в запечатанной коробке (40 ампул) с надписью "камфора" 3 ампулы "стрихнина", что могло привести к трагическим последствиям²¹.

Работали сестры ежедневно по 12 часов, с 8 часов утра, без выходных. "Так как днем все сестры должны были находиться на месте, — вспоминала Н. В. Галанина, — на ночь оставалось на весь госпиталь только две сестры. Всю ночь они бегали от одного слабого больного к другому на большие расстояния (4 зала), боясь только одного: "не упустить бы". А упустить можно было и прекращение пульса, и внезапное кровотечение, и многое другое. За ночь дежурные сестры едва успевали присесть на несколько минут, чтобы выписать необходимые на завтра для отделения лекарства. Часто не удавалось присесть ни на минуту. Эти дежурства изматывали так, что к 8-ми часам утра сестры едва держались на ногах от усталости, чтобы вернуть трудоспособность, нужно было проспать почти целый день"²². При этом следует отметить, что, по свидетельству мемуаристки, "процент выздоравливающих был очень высок"²³.

После февральской революции госпиталь оставался в Зимнем дворце, занимая те же парадные залы.

В октябрьские дни 1917 г. госпиталь был разгромлен. "На следующий день после Октябрьского штурма, — с горечью вспоминала Н. В. Галанина, — госпиталь являл собой печальную картину... Я вошла в Иорданский подъезд. Привычного швейцара на месте не было. У входа стоял матрос с надписью "Заря свободы" на бескозырке, первое, что бросилось в глаза и поразило — это огромное количество оружия. Вся галерея от вестибюля до Главной лестницы была завалена им и походила на арсенал... В госпитале, где были всегда образцовый порядок и тишина, где было известно, на каком месте какой стул должен стоять, — все перевернуто, все вверх дном... Старшая сестра сидела под арестом... Больше никого из медперсонала я не увидела... Лежачие раненые были сильно напуганы штурмом дворца, все спрашивали, будут ли еще стрелять..."²⁴. 27 октября раненых начали отправлять в другие лазареты, и 28 октября госпиталь был ликвидирован.

В воспоминаниях члена Военно-революционного комитета

¹⁸ Там же. — С. 5.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. — С. 2—3.

²¹ Там же. — С. 7.

²² Там же. — С. 10.

²³ Там же. — С. 12.

²⁴ Там же. — С. 23—24.

¹⁴ Архив Гос. Эрмитажа, ф. 1, оп. 17, № 1310. — С. 3.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. — С. 2.

¹⁷ Там же. — С. 4.

В. А. Антонова-Овсеенко "В Семнадцатом году" (Киев, 1991) ни одного слова не сказано о том, что фактически взятый революционными отрядами Зимний дворец являлся госпиталем²⁵.

Госпиталь для тяжелораненых нижних чинов русской армии в Зимнем дворце просуществовал 2 года, успешно выполняя свое предназначение.

Сестры милосердия, трудившиеся в Дворцовом госпитале, и позднее (в советское время) продолжали хранить лучшие традиции своей Общины. Так, сестра милосердия Л. В. Сомова с 1923 по 1974 г. состояла старшей медицинской сестрой и руководила

средним медицинским персоналом в Ленинградском институте хирургического туберкулеза, преподавала на курсах медицинских сестер в Первом Ленинградском медицинском институте, являлась членом Больничного совета медицинских сестер Ленгорздравотдела, была отмечена многими правительственными наградами, в том числе орденом Ленина.

Госпиталь в Зимнем дворце на протяжении двух последних лет существования Российской империи был головным медицинским учреждением, определявшим состояние и требования к краснокрестным лечебным учреждениям. Врачи и сестры милосердия Дворцового госпиталя вписали яркую страницу в историю Российского Красного Креста, а также в историю здравоохранения Российской империи.

²⁵ Антонов-Овсеенко В. А. В Семнадцатом году. — Киев, 1991.

Поступила 25.01.07